

Элис
Уокер

Цвет пурпурный

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Элис Уокер

Цвет пурпурный

«АСТ»

1982

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уокер Э.

Цвет пурпурный / Э. Уокер — «АСТ», 1982 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-983264-5

Унижения, боль, насилие, бесправие – такова была судьба темнокожей женщины Глубокого Юга в начале прошлого века. Такова судьба главной героини романа Сили. Ей приходилось играть роль покорной служанки жестокого отца, разлучившего ее с детьми и любимой сестрой, а потом забитой жены-рабыни сурового мужа... Но однажды в жизни Сили появляется наставница и настоящая подруга, которой она небезразлична. Вместе с ней Сили найдет путь к свободе и независимости. Сделав первый шаг и оставив прошлое позади, она поймет свое призвание в этом мире и окружит себя любимыми людьми...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-983264-5

© Уокер Э., 1982
© АСТ, 1982

Содержание

Перевод цвета	6
От переводчика	11
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Элис Уокер

Цвет пурпурный

Alice Walker
THE COLOR PURPLE

© Alice Walker, 1982, 1992

© Перевод. М. Завьялова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Перевод цвета

Цвета, как и многие другие признаки, перебираясь из одного языка в другой, попадая в культуру с иной организацией смыслов, меняют оттенки. Царский пурпур, цвет королевской мантии, в русском языке горделиво красен. Вспоминается пушкинская старая Москва, поникшая перед новой столицей, как «порфиноносная вдова». Порфира – так назывался по-гречески моллюск, из которого как раз и добывали пурпурный краситель. Древний пурпур, добывавшийся из морских моллюсков, был фиолетовым. В английском «purple» – обыденное, лишённое надменности слово, такими бывают полевые цветы, простенькие, почти не видные в траве, но и царь Соломон одевался не роскошнее их. Земля, травы, деревья укутаны в божественную славу, это, а не тело деспота достойно пурпура. Истинный пурпур незаметен, как незаметна на фоне мировой истории жизнь черной деревенской девочки Сили, героини романа «Цвет пурпурный». Так, наверное, можно толковать название книги Элис Уокер. Но есть и другие значения у этого названия, угадать которые невозможно, если полагаться только на свою сообразительность. В «Цвете пурпурном» заявлена определенная программа, плохо различимая без некоторой доли околотитературных сведений. И, вероятно, не стоит скрывать, да и вряд ли это возможно, что текст Элис Уокер имеет отношение к феминизму.

«Цвет пурпурный» появился в 1982 году, на исходе второй волны феминизма, бывшего неотъемлемой частью бурных политических движений за гражданские права предыдущего десятилетия. Феминизм второй волны 60-х и 70-х годов задавался проблемами равенства, причем не равенства на кухне перед горой грязной посуды, как часто это толкуют сторонние наблюдатели, а равенства за пределами семьи и дома. Белые американки хотели вырваться из одиночества кухни в благоустроенном пригородном доме, заниматься профессиональной деятельностью наравне с мужчинами, обходиться при этом без обидных замечаний, получать вознаграждение за работу, соизмеримое с тем, какое получали мужчины, иметь свои счета в банке (а замужние женщины не имели на это права). Нам, постсоветским женщинам, опять же, не говорю за всех, но по крайней мере в большинстве своем, трудно понять эти проблемы, так как многие из них были решены для нас и за нас ранними декретами советской власти. Беспокоит скорее излишек работы, чем ее недостаток, скорее отсутствие дома в пригороде, чем его наличие. На это же жаловались афроамериканки того времени, утверждая, что белые феминистки, стремясь вон из дома и выдавая это стремление за универсально необходимое всем женщинам, отрицали тем самым «женскость» цветных сестер, которые в большинстве своем и так были вынуждены работать вне дома с утра до вечера, делая грязную работу за небольшие деньги, чтобы прокормить семью. Их нужды зачастую были в корне противоположны нуждам образованных и обеспеченных белых американок. Цвет кожи оказывался не менее отягчающим обстоятельством, чем пол, в ремесле выживания, и вовсе не по эстетическим соображениям – он влиял на социальный статус. Черные участницы движения утверждали, что белые феминистки, борясь за свои права, не замечают, как сами, в силу своей принадлежности к белому среднему классу, участвуют в угнетении афроамериканцев, включая своих черных «сестер». Поэтому-то у черных американок и возникла необходимость обозначить свои интересы как отличные от интересов белых феминисток.

Как-то раз Элис Уокер сказала такую фразу: «Пурпурный относится к лавандовому, как вуманизм к феминизму». Понятно, что лавандовый бледен и водянист по отношению к насыщенному богатому пурпуру. Но что это за «вуманизм» такой, который интенсивнее и ярче феминизма? Слово, образованное от английского «woman», то есть женщина, было придумано самой Элис Уокер, чтобы очертить позицию цветных женщин в пределах буржуазного, преимущественно белого, американского феминизма и заявить о разногласиях с белыми феминистками. Сменив ярлык, Элис Уокер тем самым дала понять, что не о мистических феминах

высоких сфер, а о женщинах, реальных и телесных, будет идти речь, и не только об отдельных женщинах, но о целом женском мире афроамериканок, о материнстве и сестринстве, об отношениях женщин друг с другом, их трудах и днях. И не писатели-мужчины или белые американки, такие, как, например, Гарриет Бичер-Стоу с незабываемым дядей Томом, будут чревоуещать за афроамериканок, а сами они заговорят своим голосом. В «Цвете пурпурном» не сторонний наблюдатель – сама героиня романа рассказывает о себе в письмах, хотя «закон отца» велит ей молчать: запрет на открытую и откровенную речь озвучен в первых строках повествования.

Слова отца поставлены эпиграфом к письмам Сили – это он, тот, кого она считает своим отцом, запретил ей рассказывать о страшном и стыдном, заедающем ее жизнь. В традиционных понятиях феминизма историческое молчание женщин, их отсутствие на общественной сцене и в культуре связано с запретом «отца», патриарха, главного мужчины в клане. Запрет этот не надо понимать буквально – такова конфигурация властных отношений в обществе, а как известно и как подсказывает современность, изменить конфигурацию можно, только если напечатать строку на клавиатуре и ввести ее в программу, то есть оформить в словах и зарегистрировать сам факт своего существования, сделать его видимым в системе. Но как раз представлять себя, или, другим словом, репрезентировать, законом отца запрещено. «Женщины только и годятся, что для...» – говорит безымянный Мистер, муж Сили, не заканчивая фразы, но читателю, по обе стороны океана, понятно, что может следовать за этими словами в данном контексте. Это своеобразная ловушка, проверка на патриархатное сознание. Элис Уокер демонстрирует, что на самом деле всем нам без слов знакомы правила патриархатных игр. Просто мы не отдаем или стараемся не отдавать себе в этом отчета. Против превращения женщин в «сексуальный объект» и направлен, среди прочего, пафос романа. Для отчима Сили не дочь и не мать его детей, ее социальные роли в семье принижаются. В одном эпизоде романа Сили невольно удастся означить, сделать видимой свою роль женщины-вещи на потребу имеющего власть мужчины, когда, пытаясь спасти сестру от посягательств отчима, она наряжается в условно привлекательные одежды и предлагает себя вместо сестры. За что и бывает бита, поскольку нарушила еще один закон – оставаться невидимой. «Оделась как шлюха», – говорит он, раздраженный тем, что тайное стало явным и суть его поступка на какой-то момент открылась ему самому (и внимательному читателю). Он не просто превратил дочь в сексуальную вещь, он отнял у нее ее звание дочери, право на защиту и поддержку и, что немаловажно, отнял у нее голос, убил ее социальное «я».

В этом эпизоде нужно не просмотреть и другого смысла или подтекста, на этот раз связанного с цветом. Так же насиловали черных рабынь белые хозяева и так же отнимали у них детей для продажи другим хозяевам. Так же выставляли их самих для продажи, как отчим Сили выставляет ее напоказ жениху. Получается, что главенство мужчины в афроамериканском обществе, его власть над женской половиной (или, другими словами, патриархатная доминанция) оказывается сродни неограниченной власти белого плантатора над живым имуществом, черными рабами и рабынями. Патриархат и расизм поставлены на одну доску. Это невыгодное сравнение навлекло на Элис Уокер шквал упреков и обвинений со стороны афроамериканской пишущей братии, особенно после того, как в 1985 году на экраны вышел фильм Стивена Спилберга «Цвет пурпурный»¹ и произведение Элис Уокер стало достоянием миллионов американцев. Писательницу обвиняли в том, что, представляя черных мужчин в негативном свете, она подрывает интересы афроамериканского сообщества и работает в пользу белых расистов, которые и без того считают афроамериканцев людьми низшего сорта. Кроме того, говорили критики, «Цвет пурпурный» разрушает единство между черными мужчинами и женщинами, которые вместе призваны бороться за справедливость. Впрочем, у писательницы нашлось не

¹ В российском прокате фильм также известен под названием «Цветы лиловые полей». – *Примеч. ред.*

меньше защитников и защитниц. Что же это за единство такое, писали они, если для его сохранения от женщин требуется молчание, и стоит ли сохранять такое единство? Сама Элис Уокер писала, что ей больно слышать в свой адрес обвинения в ненависти к мужчинам своего народа и что она бесконечно ценит их веселый и свободолюбивый дух, исключая тех, которые чинят насилие и основывают свою мужскую первосортность на второсортности женщин.

Говоря о мужчинах своего народа, Элис Уокер вряд ли склонна приписывать их негативные характеристики полу, генетике или национальному характеру. Система – вот источник гендерного зла. Автор демонстрирует, что зло не присуще человеческой природе, ему учат отцы сыновей, старшие и более авторитетные младших, только вступающих в жизнь. Муж Сили, Мистер __, сидя на террасе и покуривая трубку, в то время как рушатся жизни его детей, лишенных его внимания и заботы, учит своего сына, как вести себя в семье. И учит так же, как учат друг друга дети во дворе, – дразня и обзывая. Смотри, говорит он, если будешь заниматься детьми, помогать жене и быть с ней единоклубным, тебя будут дразнить кухонным мужиком и подкаблучником. Таков культурный каркас патриархатного мироустройства в «Цвете пурпурном». Здесь реальность женской и детской жизни не важна, ее не существует, существует только соперничество между мужскими особями, борьба за статус и боязнь его утраты.

Книга начинается с запрета на речь, или, иначе говоря, на репрезентацию. Сили приказано молчать, и она послушно и простодушно пишет письма Богу, до тех пор, пока верит, что запрет наложен ее настоящим отцом. Но власть оказывается узурпирована злым отчимом (здесь Элис Уокер делает выпад против литературного клише, образа злой мачехи), и закон отца на деле оказывается пустышкой, не менее от этого вредоносной. Согласно Элис Уокер, патриархатный мир основан на подлоге. Закон отца на деле является законом отчима, а патриархат системой подстановок, где кто угодно может захватить власть.

Так что же, разрушим мир до основания, а затем построим наш, новый? Хотя Сили в конце концов бунтует против мирового устройства, никто в текстуальном мире Элис Уокер не собирается его свергать. Уокер не строит свою вселенную на смертной вражде. Революции не будет. Женский мир не пытается вытеснить мужской, женщины не соперничают с мужчинами в борьбе за территорию. Мудрая героиня романа знает, что средства определяют окончательный продукт. Каково средство, таков и результат, а цель – всего лишь благое намерение и на ход дела влияет незначительно. Поэтому Элис Уокер предлагает альтернативное устройство социума, такую гендерную утопию. Женский мир в романе Уокер выстраивается в другом пространстве и на других началах. Ее героиня, Сили, в детстве познав изнанку гетеросексуальных отношений, отворачивается от такого способа бытия. Мужчины ей больше не будут интересны ни в каких целях. Ее мир – это мир лесбийских отношений, мир женщин, поддерживающих и вдохновляющих друг друга, где материнство не является клеткой и не обрекает мать на радикальное одиночество в силу того, что другой жизни, кроме жизни вокруг своих детей, у нее нет, а дети ее никому, кроме нее, не нужны. В этом мире женщины не культивируют уникальный материнский быт и исключительные отношения с собственными детьми, а вместе воспитывают тех детей, своих ли, чужих, которых им Бог послал, поскольку, как говорится в африканской пословице, требуется деревня, чтобы вырастить одного ребенка. Да и Бог здесь другой, не мужчина и не женщина, не картина и не седобородый дед на облаке, а все во всем – веселое играющее божество, благословляющее любые сексуальные ориентации и любые любовные переживания. Не напоминает ли это В. В. Розанова, писавшего в «Опавших листьях»: «Берегите всякое живое «есть» любви»?

Будь этот роман написан немного раньше, в 70-е или даже 60-е годы, весьма вероятно, что стройплощадка для утопии «Цвета пурпурного» переместилась бы в Африку, в которой происходит много событий романа. В десятилетия «расовой революции» в Америке афроамериканская культура, отказавшись от надежд стать равноправным участником многонациональной американской семьи народов, стала искать альтернативную почву для своего роста. На

какой-то момент казалось, что родная Африка, не испорченная голым чистоганом, земля предков, живших в единении с природой, может стать идеальным полигоном для афроамериканской культуры, неким референтным раем, пусть навсегда потерянным, но возобновимым на символическом уровне. Однако за расовой революцией последовала феминистская, и культурная ситуация, для американцев всех цветов, весьма переменилась. Элис Уокер посылает своих героев в Африку, но только затем, чтобы они могли убедиться, что патриархат повсеместен, власть капитала повсеместна, сколько от них ни бегай по планете. Афроамериканцы имеют свое уникальное прошлое, свой национальный эпос порабощения, свою судьбу, которую им еще предстоит аристократизировать (а романтизирована она уже) и которой им еще предстоит гордиться. Радикальных улучшений можно ждать только в пределах своей культуры, на пути внутреннего поиска и переформулирования своей личности и своего сообщества, в отказе от правил патриархатного закона жизни.

«Цвет пурпурный» не раз называли феминистской утопией, где перевернуты с ног на голову общепринятые понятия о том, кто такие мужчина и женщина, как им положено себя вести, чем заниматься, кого и как любить, опрокинут мир, в котором отношения между полами трагичны, темны и безысходны. Завязывая узел неразрешимых и жестоких противоречий в начале романа, Уокер дает своим героям неожиданный выход в счастливое пространство собственного дома Сили, но не ранее, чем они излечились от своих болезней. Элис Уокер как-то писала, что в ее намерения не входило делать из Мистера — дьявола, а из Сили ангела. По ее словам, они оба серьезно больны. Садомазохистская логика их существования должна быть изжита, застарелые стереотипы отвергнуты. В утопическом пространстве «Цвета пурпурного» мужчина имеет право плакать, быть слабым, терпеть поражения, готовить еду и возиться по дому, посвящать свою жизнь детям, быть под каблуком у собственного ребенка, шить, если ему того захочется, не вызывая недоуменных реакций или вообще каких-либо реакций окружающих. Так же, впрочем, как и женщина, которая может любить столярные работы больше, чем стирку и уборку, может иметь влечение к женщинам, а не к мужчинам, может не признавать, что дети — это единственный смысл и оправдание ее жизни. Перед нами своеобразная мастерская социального конструирования. Ведь не все девочки любят убирать дом, некоторые любят его строить. К ним относится и Элис Уокер.

Конечно, как любая утопия, роман Элис Уокер уязвим для критики. Но в одном отношении он уже за пределами досягаемости убийственных рецензий и обзоров: действие его разворачивается не только на страницах. Так случилось, что оно перетекло с бумажных страниц в действительность. «Цвет пурпурный» относится к тем произведениям, которые не только произведены, но и сами произвели действие, впрочем, наверное, как и все книги, независимо от их литературных достоинств, которые читаются большим количеством людей и имеют резонанс. «Цвет пурпурный» изучается в университетах, на нем оттачивают мастерство начинающие литературоведы и культурологи, сочиняя сотни курсовых, дипломов и попадающих в печать статей.

Сили пишет письма Богу, а ее создательница обращается к миру, заявляя, вместе с другими афроамериканскими писательницами тех лет, о новом культурном присутствии. Афроамериканки мелькали в роли мамушек и нянюшек на страницах американской литературы, но никому не были особо интересны. Они мелькали в общественных местах, со швабрами и тряпками, с лопатами и граблями. На них никто не обращал внимания, они были невидимы. Невидимость в обществе означает отсутствие политической силы и власти. Чтобы тебя и подобных тебе заметили на арене общественной жизни, надо обрести второе, социальное, тело, надо в прямом смысле вписать себя в историю, надо создать воображаемое сообщество людей, объединенных едиными интересами. И создается такое политическое сообщество в основном на

бумаге, о чем пронизательно писал Бенедикт Андерсон². Литература, в силу своей способности к обобщению, всегда была прежде всего политическим проектом, партией одного. Суть текста Уокер в том, чтобы сделать незаметное видимым, молчаливым дать возможность высказаться.

«Цвет пурпурный» – роман оппозиционный. Если не увидеть в американской культуре ее самую, может быть, важную и ценную часть, культуру оппозиции, то можно не увидеть и самой культуры, как это зачастую и происходит. Американская не-массовая культура строится не вокруг песен и кино. Это прежде всего культура гражданская. Чтобы общество не съело своих детей, должна существовать оппозиционная общественная жизнь, которая не зависит от того, кто у власти, белые или красные, демократы или республиканцы, русофилы или западники. В мире американского оппозиционного движения, и в частности в феминизме, представлены многие тысячи групп, которые хотят быть услышаны. Они мало известны за пределами страны, а зачастую за пределами университетских кампусов или крошечных офисов некоммерческих организаций и их веб-сайтов, но структура создает напряжение, некое силовое поле, хоть в какой-то степени защищающее жителей, включая не вовлеченных в политические затеи потребителей, от людоедства власти и капитала.

Мария Завьялова

Миннеаполис

Май 2018 г.

² Бенедикт Андерсон (1936–2015) – британский политолог и социолог, автор книги «Воображаемые сообщества». – *Примеч. ред.*

От переводчика

Элис Уокер поселила героев своего романа в одном из южных штатов, в Джорджии, где, в городе Итондоне, родилась она сама. Ее персонажи говорят на афроамериканском варианте английского языка. Чтобы избежать контраста диалектной прямой речи и обрамляющего ее литературного языка рассказчика, автор поручила вести рассказ самой героине книги, Сили. Таким образом, язык романа, за исключением писем Нетти, написанных правильным и даже несколько возвышенным языком, представляет собой социоэтнический диалект английского языка. Английский язык, на котором говорят афроамериканцы, своеобразен. Среди заметных черт этого варианта английского, если не считать произношения и интонации, можно упомянуть глагольные формы с усеченными окончаниями, пропуск глаголов-связок и специфическое употребление местоимений. Переводить дословно эти особенности я не стала, чтобы не создавать ощущения неправильности речи. Афроамериканский язык имеет свои правила, и все кажущиеся отклонения подчинены обычной языковой логике. Если бы я попыталась переводить дословно, это выглядело бы так: «он иду домой» или «нас пошли на речку». Поскольку язык этот сложился не в городской среде, для передачи его особенностей я выбрала некоторые черты южных диалектов русского языка, стараясь ограничиться глагольными и местоименными формами, хотя не обошлось и без некоторой доли диалектных слов и выражений. Важно отметить, что это не есть перевод на южнорусский диалект. Скорее, диалектные вкрапления я использовала как красочные мазки, наложенные тут и там, без особого распорядка, чтобы создать определенный колорит, как в живописи. Кроме того, язык героев романа обогащен знакомством с Библией, поскольку жить в сельской Америке и не состоять в церковной общине, не ходить по воскресеньям в церковную школу и не читать Библии было немыслимо в первые несколько десятилетий двадцатого века, когда происходят события романа. И каковы бы ни были их нравы, в языке героев романа почти полностью отсутствуют бранные слова. Если искать аналогии в русской языковой среде, то это скорее наивная чопорность маленького провинциального городка, где проступки и преступления совершаются под покровом приличия и обычая, чем матерная искренность русской деревни или привычная бранчивость городских низов.

Перевод романа был сделан при поддержке издательской и женской сетевой программ фонда Сороса. За помощь в транслитерации некоторых имен, а также за ряд полезных советов хочу поблагодарить аспирантку магистерской программы изящных искусств Университета Миннесоты Карлу Джонсон.

*Мария Завьялова
Миннеаполис
2018 г.*

*Посвящается Духу, без чьей помощи ни эта книга, ни я сама не
были бы высказаны*

*Покажи мне, как ты это делаешь,
Покажи мне, как это сделать.*

Стиви Уандер

*И не вздумай болтать лишнего, если не хочешь мать в могилу
свести.*

Богу своему жалуйся.

Дорогой Бог!

Мине уже четырнадцать лет. Я ничево плахова не делала, старалася всегда быть харошей. Можешь открыть мне чево со мной творица? Дай хоть знак.

По весне, как Люций родился, я слышала, они все препиралися. Он хвать ее за руку и стал в комнату тянуть, а она говарит: Еще рано, Фонсо, хвора я еще. Ну и он от ее отстал. Прошла неделя и он опять приставать стал. Она говарит: Не могу я больше. Аль не видишь, я уже еле ноги таскаю и детей куча.

Она поехала в Мейкон, до сестры, докторши. Я за детьми осталася глядеть. Он мне в жизни слова добрава не сказал. Вот он и говарить: Раз твоя мамаша не хочет, будешь заместо ее. Сперва он ткнул тую штуку мне в бок и начал как будто ерзать. Потом стиснул мне тити. Потом заталкнул прямо в пипку. Было ужас как больно и я плакала. Он стал мне рот зажимать, чуть не задушил и говарить, Заткнись. Ничего, привыкнешь.

Мне ни за што не привыкнуть. А теперича как еду готовить, меня тошнит. Мама на меня бранится и косо смотрит. А вообще она нонче повеселевшая, потому как он злобится меньше. Она все время хвора я, боюсь долго ей не протянуть.

Дорогой Бог!

Мама померла. Она как помирала кричала и ругалася. На меня кричала и ругалася тоже на меня. Я нонче дюже толстая. Даже не могу быстро ходить. Пока дойду с колодца до дому, вода в ведре уже согревши. Пока накрываю на стол, еда уже простывши. Пока детей в школу соберу, уже обедать пора. Он ничево не говарил. Сел у ейной кровати держит за руку плачит и говарит: Не умирай не бросай меня не умирай.

Она спросила меня про первенькова. Чей, говарит. Я говарю, Божий. Не знаю чево еще сказать и никаких других мущин не знаю. Когда в животе заболело и все там стало шевелица и вдруг этот ребеночек малюсенький кулачок во рту засунувши вывалился, я не знала чево и думать.

К нам люди совсем не приходят.

А ей все хуже и хуже.

Потом она спрасила, где.

Я говарю Бог взял.

Это он взял. Он взял, пока я спала. Убил там в лесу. И ентова убьет, коли получица.

Дорогой Бог!

Он нонче так ведет будто меня на дух не переносит. Говарит, я дурная и ничего от меня харошева нельзя ждать. Взял моево другова маленькаво, на сей раз мальчик. Мне кажется он его не убил. Мне кажется он его продал мужу с женой в Монтичелло. У меня полно молока, прямо по мне течет. Он говарит: Ну ты и неряха. Поди переоденся. А в чево мне переодеца? У меня и нема ничево.

У меня одна надежа, што он найдет каку-нибудь и дальше будет женица. Я же вижу как он глядит на мою младшую сестренку. Ее всю трясет от страха. Я ей говарю я тебя буду защищать. Бог мне поможет.

Дорогой Бог!

Нонче он привел в дом девчонку из Грея. Ей столько лет сколько мине и они поженивши. Он с ее не слазит. Она ходит будто ее по голове стукнуло, а чево стукнуло, сама не знат. Да еще думат, будто любит ево. А нас у ево семеро по лавкам и все есть хочуть.

У моей сестренки Нетти появился ухажер, возрастом папаше подстать. Евоная жена померла. Мущина убил прямо на дороге, из церкви шли. Правда у ево всево трое детишек. Он видел Нетти в церкви и теперичя што ни вечер в воскресенье ентот Мистер __ порог наш обиват. Я говарю Нетти штоб училася и книжек своих не вздумала бросать. Горазд тебе интересно, говарю, нянчить троих малявок, каторые еще к тому же не твои. Погляди чево с маманей стало.

Дорогой Бог!

Сегодня он меня поколотил, сказал, я парнишке в церкви подмигнула. Может, у меня было чево в глаз попавши, но я и не думала никому мигать. Я вообще на мужчин не гляжу. Вот ей-Богу. Я смотрю на женщин, потому как мне их не страшно. Может ты думаешь, ежели маманя на меня кричала, так я сержуся на ее? Не-е, ничуть. Мне так ее было жалко, так жалко. Она все силилась поверить в евоные враки, вот и померла.

Он все на Нетти поглядывает, а я всегда стараюсь ее заслонить от ево. Теперь уже я ей говарю выходить замуж за Мистера __. Я ей только не говарю почему.

Я ей гаворю, выходи за него, Неточка, и нехай у тебя хош первый годок счастливый будет. А потом у ей живот будет выше носу, я-то знаю.

А с меня довольно. Одна девка в церкви сказывала, ежели кровишь каждый месяц значит рожать способная. А с меня больше кровь нейдет.

Дорогой Бог!

Наконец Мистер __ выложил чево у него на уме и попросил Неттиной руки. Но Он ее не отпускает. Говарит, мала еще, опыта нет. Говорит, у Мистера __, мол, и так дитев хватат. Плюс к тому скандал, который евоная жена учинила, ажно ее убили. А эти слухи про Шик Эвери? Енто еще што такое?

Я спросила нашу новую маму про Шик Эвери. Енто еще што такое? спросила я, а она обещала разузнать и нам сказать.

Она не только узнала. У ей картинка притащена. Я никогда раньше не видела настоящих людей на картинке. Нашла, говарит, под столом, у Мистера __ вываливши, когда он за бумажником лазил. Шик Эвери женщина. Я таких красивых от роду не видывала. Даже красивше мамы. И в десять тыщ раз красивше меня. Вся в мехах. Лицо нарумяненное. Волосы пушистые как беличий хвост. Стоит у машины и улыбается. А глаза серьезные. И как будто грустные.

Я упрасила ее отдать мне картинку. Всю ночь на нее сматрела. Теперь когда мне снятся сны, то мне снятся сны про Шик Эвери. Будто она такая нарядная, танцует и смеется.

Дорогой Бог!

Попрасила его не трогать Нетти, пока новая мама хвоя, лучше я сама, говарю. Он говарит мне, ты чево. Говарю ему, я все сделаю, только Нетти не тронь. Побежала поскорее в комнату, напялила паричок из конского волоса и туфли на высоком каблуку, нашей новой мамы. Он как стукнет меня, мол, нарядилась как шлюха, однако все равно сделал свое.

Под вечер пришел Мистер __. Я лежала на кровати и плакала. Нетти наконец скумекала, што к чему. До новой мамы тоже дошло. Она пошла в свою комнату и тоже плакала. Нетти бегае то к ней, то ко мне. Она так испугавши, пошла на улицу и стала блевать. Не там где эти двое были, а на заднем дворе.

Мистер __ говарит, Я надеюсь, вы теперь согласные.

Он говарит, Нет, не согласный я.

Мистер __ говарит, Моим бедненьким малышам нужна мама.

Ну так вот, говарит он, эдак медленно, Нетти не дам. Мала еще. Ничево не понимает, меня слушать привыкшая. Пуцай в школу походит. Может с ее учительница выйдет. Могу отпустить Сили. Она старшая. Вот ей первой замуж и итить. Она конешно не целая, да ты

знаешь небось. Порченная она. Дважды рожала. А зачем тебе целая-то? Вон я взял целую, а она все время хвора. Сказал он эти слова и плюнул через перила. Дети ей виш на нервы действуют, и готовит она так сак, да еще и брюхатая теперь.

Мистер __ как то примолк. Я так удивилась, даже плакать забыла.

Она конечно с лица неказистая, говарит, зато к работе приучена. И чистоту наводить умеет. И Богу молится. Все будет делать, как ты хошь, и слова поперек не скажет.

Мистер __ ни слова. Я достаю картинку Шик Эвери и смотрю, чево ее глаза говарят. А они говарят, Пусть будет так.

Понимаешь, говарит, мне надо ее с рук сбыть. Слишком уже старая, штобы дома жить. Тово и гляди остальных девок с панталыку собьет. Дам за ей простынок и еще кой-чево из барахла. И корову дам, она сама выходила. А Нетти не дам. Ни шас, ни потом.

Мистер __ тут и говарит. Прочистил горло и говарит. Да я ее ни разу даже не видел.

Ну придешь в другой раз и увидишь. Она конечно дурнушка, Нетти в подметки не годится, но жена из ее лучше будет. Ума у ей тоже маловато, и следить за ей надо, а то все раздаст кому не попадя. Зато вкалывает как мужик.

Мистер __ спрашивает, Сколько ей годков?

Он говарит, скоро двадцать. И вот еще. Приврать она любит, так што имей ввиду.

Дорогой Бог!

Он все гадал с марта по июнь, брать ему меня али нет. А у меня только и мыслей, што о Нетти. Как я выду за него, а она ко мне приедет, и он будет в ее влюбленный да и не заметит, как мы убежим, уж я то придумаю как. И как мы будем зубрить Неттины книжки, надо ведь ума набраться ежели убегать. Понятно, мне до Нетти далеко по красоте и по уму, но она говарит, вовсе я не такая дурочка.

Нетти говарит, штобы тебе запомнить кто открыл Америку, подумай про клумбу, как раз и вспомнишь Колумба. Да учено у меня про Колумба, аж в первом классе – так у меня в одно ухо влетело, в другое вылетело. Она говарит, Колумб приехал в наши края на кораблях Нетя, Петя и Сантамаретя. А индейцы так его полюбили, ажно он с собой прихватил несколько, когда назад поехал, штобы они за королевой прибирали.

Мне ничевошеньки в голову нейдет из-за ентого Мистера __ и што замуж за ево надо итить.

Когда я первый раз беременная была, папаша меня из школы забрал. Ему то и дела нет, што я учица хотела. В первый день, как школа началась, мы с Нетти стояли у калитки и она крепко крепко за руку меня держала. Я придела чево нашла получше, а папаша говарит, Неча тебе в школу ходить, дуре такой. Вон Нетти одна из вас всех умная, она пуцай и ходит.

Па, Нетти говарит, а сама плачет горячими слезами, Сили тоже умная. Даже Мисс Бизли так сказала. Сама то Нетти дюже мисс Бизли уважает. Ни одново слова не пропустит.

Па говарит, А чево ее слушать, енту Эдди Бизли. Языком трепать горазда, вот мужики ее стороной и обходят. Потому и в школе сидит, што никому не нужная.

Он чистил ружье и даже ни разу головы не поднял. Тут завернули к нам на двор белые мужики тоже с ружьями. Он встал и они ушли. Я потом всю неделю настрелянную дичь потрошила да тошнило меня.

Нетти в школу все ходила и ни в какую не бросала. Тут приходит мисс Бизли, хочет поговорить с папашей. Говарит, сколько в школе работает, такова не встречала, штобы дети так хотели учиться, как мы с Нетти. Па меня кликнул, она как увидела, што платье на мне уже по швам трещит, враз замолкла и ушла.

Нетти до сих пор не понимает, да и я не очень, только я все время больная и толстая.

Я иногда печалюсь, што Нетти меня в ученьи обогнавши. У мене в голове не остаеця, чево она мне рассказывает. Говарит, будто земля не плоская. А я киваю, да, да, знаю, мол, не плоская. А того ей не говарю, што по мне так она дюже плоская.

Наконец пришел Мистер __, весь смурной. Которая ему по хозяйству помогала, ушедши. Мамашу его тоже енто все достало, сказала, с мене хватит.

Он говарит, Нешто еще раз на нее взглянуть.

Папаша меня кличет, Сили, говарит, иди сюда. Будто так и надо. Мистер __ хочет еще раз на тебя посматреть.

Вышла я и стою в дверях. Солнце глаза слепит. Он с лошади не слезши осматривает меня с ног до головы.

Папаша газетой шуршит. Чево стоишь, говарит, иди ближе, он не кусается.

Я шагнула, а ближе к ступенькам подойти боюсь, там лошадь.

Па говарит, Поворотись-ка.

Я повернулась. Тут братик мой пришел, Люций. Он такой толстенький, все время жует и озорничает с утра до вечера.

Он говорит, Ты чево тут делаешь?

Папаша говарит, твоя сестрица надумала замуж выходить.

А ему и невдомек, он дернул меня за поясok и стал просить варенья из буфета.

Сейчас, говорю, подожди чуток.

Папаша говорит, детей-то она любит, а сам газетой все шуршит. Ни разу и не крикнула на них. Вот только беда, потекает во всем, дает чево ни попросят.

Мистер __ говарит, А карова?

Карова за ей, говарит Па.

Дорогой Бог!

В самую свадьбу я весь день спасалася от старшова мальчишки. Ему двенадцать. Евоная мамаша умерла прямо у ево на руках, и ни о какой новой маме он и слышать не хочет. Швырнул камнем и прямо мне в голову угодил. Кровища так и хлынула, так и потекла прямо за ворот. Папаша евоный говарит, Прекрати! И все. Больше ничево не сказал ему. У ево-то оказалось четверо детей, а вовсе не трое, две девчушки и двое ребят. У девок волосы нечесаны с материной смерти. Я гаворю ему, придется сбрить. Пусть наново растут. А он говарит, дурная мол примета девкам волосы брить. Ну што ж делать, перевязала я себе голову, сготовила ужин – за водой надо итить на ключ, а не в колодец, и плита дровяная – и взялась колтуны ихние распутывать. Как они заплачут, одной шесть, другой восемь, как завоють. Визжать обе будто режу я их. К десяти вечера только прибрала им волосики. Они так в слезах и заснули. А у мене и слез нет. Лежу, думаю о Нетти, пока он на меня забравши пыхтит, все о Нетти думаю, жива ли она, нет ли. И еще думаю о Шик Эвери. Вот ведь он небось и с ей тем же делом занимался, чем со мной нонче. И руку ему на спину положила.

Дорогой Бог!

Были мы намердны в городе с Мистером __, он в бакалейную лавку ушедши был, а я в повозке осталась. Гляжу, моя маленькая. Дочка моя. Я сразу узнала. Как две капли воды на меня похожая и на папаню моево. Сильней даже чем ежели мы сами на себя. Топают за какой-то женщиной, и обе одеты в платья одинакие. Проходят мимо повозки нашей, а я давай скорее с ними заговаривать. Женщина мне ответила вежливо, а моя малышка посмотрела вверх и будто нахмурилась. Чем-то недовольная она была. Глазки у ей точь в точь мои. Задумчивые. Будто все-то они видали чево мои глаза видали.

Моя, думаю, девочка. Сердце мне говорит, моя. Коли моя, то имя ее Оливия. Оливия на всех ее пеленочках было вышито. Сама вышивала. И звездочки вышивала, и цветы. Он пеленки энти вместе с ней забрал. И было ей два месяца от роду. А нонче ей шесть лет.

Слезла я с телеги и иду за ими. Оливия и ее маманя в лавку, и я в лавку. Она ручкой своей маленькой водит по прилавку, будто ништо ей тут неинтересно. Мама ее ткань покупает. Говарит, не трогай ничево, а та зевает только.

Вот славненькая ткань, говарю, и будто советую ей, к лицу ей прикладываю.

Улыбается она. Сошью, говарит, себе да дочке новые платьица. Вот папа то наш обрадуется.

Какой папа? брякнулось у меня. Неушто знает?

Она говарит, Мистер такой-то. Нет, не моево папаши имя.

Мистер такой-то, говарю. Это кто?

Она смотрит на меня, будто не в свое дело нос сую.

Достопочтенный мистер такой-то, говорит и к продавцу повернулась. Он спрашивает, Ну че, женщина, берете или нет? Вы тут не одна в конце концов.

Она говарит, Да, пожалуйста. Пять ярдов, пожалуйста.

Он хватъ штуку и отодрал кусок. Нет штобы померить. Сколько решил, на пять ярдов достаточно, столько и отодрал. Доллар тридцать, говарит. Нитки надо?

Нет, спасибо, говарит она.

Вы че, без ниток шить будете? Взял катушку ниток и приложил к ткани. Сойдет, говарит. Ну че, берете или нет?

Да пожалуста, говарит.

Он даже засвистел от радости. Взял два доллара, дал четвертак сдачи и на меня глядит. Вам чево, женщина? Спасибо, ничево, говарю.

Пошла я за ними в улицу.

У меня нет ни гроша, и понимаю я тут, какая я нищая.

Она озирается по сторонам. Нет ево. Нет ево нигде, говорит, а сама чуть не плачет.

Ково нет, спрашиваю.

Да его, достопочтенново Мистера таково-то. Уехал с нашей повозкой.

Я говарю, Вон моево мужа повозка, милости просим.

Залезли мы и сидим. Я очень вам благодарная, говарит. Сидим и смотрим по сторонам, как народ туда сюда снует. Столько их толпится, я таково даже в церкви не видала. Которые нарядные, а которые так себе.

А муж ваш кто, она спрашивает. Про моево-то вы теперь все знаете. Мистер __, говарю. Неужели? говорит она. Будто имя ей знакомое. Я и не знала, што он женился уже. Видный мужчина, гаворит, таково поищи, во всей округе не найдеш. Хоть белово, хоть черново.

Ничево внешность, говарю, а сама то вовсе так не думаю. По мне все мушины на одно лицо.

Сколько вашей девочке? спрашиваю.

Скоро семь, говарит.

Энто когда? спрашиваю.

Замялась она, задумалась. В декабре, говарит.

Не в декабре, а в ноябре, про себя думаю.

И спрашиваю, как ни в чем и бывало, Как звать-то ее?

Полиной зовем, отвечает.

Сердце в мене так и стукнуло.

Тут загрустила она и говорит. А я зову ее Оливия.

Почему вы зовете ее Оливия, раз имя ей совсем другое, спрашиваю.

Да гляньте на нее, говарит она так бодро, вылитая Оливия да и только. В глазки ей загляните, у старичков такие грустные глаза бывают. Вот и зову ее, Ох Ливия. Хохотнула и по волосикам ее погладила. А вот и достопочтенный Мистер __ явился, говорит. Вижу я, едет повозка, а в ней большой такой мужчина в черном и хлыст держит. Ну спасибо за гостеприимство, гова-

рит, и смотрит как лошады хвостами мух отгоняють. Вон и кобылка ваша хвостом машет, пора мол и честь знать, и опять смеется. Ну и я хохотать во все горло.

Тут Мистер __ вышел из лавки, забрался в повозку и говарит сквозь зубы, Чево ржешь как дура?

Дорогой Бог!

Нетти теперь с нами. Убежала она из дома. Говарит, уж как ей не хотелось бросать нашу мачеху одну, но дело к тому шло, надо было убегать. Других деток надо выручать. Мальчиш-кам-то правда ничево не будет, гаворит. Они на глаза ему стараются лишний раз не попадаться. А подрастуть, так будут ему сдачи давать.

Убьють ево может, говарю.

Как вы тут поживаете с Мистером __? спрашивает. Глаза есть, сама, чай, видит как. Он-то к ей еще не остывший. Што ни вечер, является на веранду весь разряженный как на ярмарку. Мы с Нетти горох лущим на ужин или бывает она детишкам помогает уроки делать и меня учит всякому полезному. Хош што кругом творись, а Нетти все меня старается выучить, про весь Божий мир рассказывает. Она такая хорошая учительница, мне даже подумать тошно, што она за такова как Мистер __ выйдет или на кухне будет работать у белых. С утра до вечера она все читает, все занимается, все пишет, и нас учит, штобы мы головы свои поднапрягли. Я так устаю за целый день, мне и мозгами-то шевелить трудно. Но у Нетти видать имя тайное есть, Терпение.

У Мистера __ детишки разумные, но вредные какие-то.

Гаварят мне, Сили хочу то, Сили хочу енто, мамочка нам всегда разрешала, всегда все давала. Озоруют, штоб он на их внимание обратил, а он спрячется в табачном дыму и сидит.

Смотри, как бы они тебе на голову не сели, Нетти гаварит. Объясни им, кто тут командует.

Они тут командуют, гаварю.

А она все свое: Ты должна стоять за себя, ты должна бороться.

Я не понимаю, как стоять за себя. Я только понимаю как так жить, штобы не совсем помереть.

Какое у тебя миленькое платьице, говарит он Нетти.

Нетти говарит, Спасибо.

И башмачки ладные.

Нетти говарит, Спасибо.

Каждый день што нибудь новенькое, что за зубки у тебя, что за щечки, да какие волосики.

Сначала она улыбалась немножко. Потом стала хмуриться. Потом вообще без всяково выражения. Ко мне поближе старается держаться. И все ево сладкие слова мне пересылает. Говарит мне, какие у тебя зубки, какие волосики. Чудится мне, я хорошою на глазах.

Он перестал к ей приставать и говорит мне ночью в постели, Мы Нетти чем могли помогли, пора ей и восвосяи.

Куда же ей итить, спрашиваю.

А мне какое дело, говарит.

На следующее утро я все сказала Нетти. Она и не думала сердиться, а даже обрадовалась. Вот только как же я тебя оставлю, говарит, и мы бросились друг дружке на шею.

Ужель тебя с этими гадкими детьми оставлять придется? Подумать страшно. Уж про Мистера __ и не говорю. Это все равно как заживо похоронить.

Хуже, думаю. Коли похоронить, то по крайней мере полежать в покое можно. Говарю ей, Ничево, Нетка, ничево, пока с Богом говарю, то я и не одна.

Только тем смогла ее выручить, назвала ей имя достопочтенново Мистера _____. Сказала пусть спросит евоную жену. К кому еще за помощью итить, как не к ней. Я ни одной женщины, у ково есть деньги, больше не знаю.

Напиши мне, говарю.

Чево, спрашивает.

Напиши, говарю.

Нас разлучит только смерть, отвечает мне Нетти.

А писем нет.

Б-о-ж-е!

Приехали погостить две евоные сестры. Нарядные. Ну, Сили, говорят, во всяком случае у тебя чисто. Нехорошо о мертвых плохо говорить, но правду под половик не заметишь, Анни Джулия была редкая неряха.

Да у нее душа не лежала к этому дому, говарит другая.

А к чему у ее душа лежала? спрашиваю я.

К своему дому, говарит она.

Ах, подумаешь, говарит первая, Карри зовут. А другую Кейт. Раз уж вышла замуж, так держи дом в чистоте. И семью тоже. А то вечно приедешь сюда по зиме, а у детей простуда, у детей грипп, у детей дрисня. У детей немония, глисты, лихорадка. У детей волосья нечесаны. До их страшно прикоснуться.

Мне не страшно, говорит Кейт.

А готовка? Она и не готовила. Плиту стороной обходила.

Ево кухню.

Ужас, а не баба, говарит Карри.

Ужас, а не мужик, говарит Кейт.

К чему енто ты клонишь? спрашивает Карри.

К тому и клоню. Он привез ее сюда и бросил, а сам бегал за Шик Эвери напропалую. Вот к ентому самому и клоню. Ей не с кем было даже словом перекинуться. И пойтить некуда. Он по несколько дней в дому носу не казал. Потом дети пошли. А она молодая. И красивая.

Ничего особенново, говорит Карри и в зеркало на себя поглядывает. Ну волосы хорошие. А рожа слишком черная.

Да братец то, судя по всему, любит каторые потемнее. Шик Эвери черная што твой сапог.

Шик Эвери, Шик Эвери, меня уже тошнит от этой Эвери, Карри говорит. Люди бают, будто она болтается по всему свету да песни поет. Интересно, какие такие песни она поет. Еще говорят, платья у ей по колено, а в волосы нацеплены всякие бусинки да кисточки. Как елка.

У меня сразу слух обострился, как про Шик Эвери речь пошла. Я бы на ихнем-то месте только про ее и говорила. А они тут же рты захлопнули, как увидели, што я уши наострила, и даже дышать перестали.

Хватит про нее, говорит Кейт, и вздохнула. А про Сили ты права. Хозяйка она хорошая, и с детьми умеет, и готовить. Братец лучше не нашел бы, как бы не старался.

Знамо, как он старался.

В другой раз Кейт приехала одна. Ей наверное годов двадцать пять, вековуха. Выглядит зато моложе меня. Здоровенькая, глаза блестят, и на язык острая.

Купи Сили одежды, говорит она Мистеру ____.

Ей чево, одежда нужна? спрашивает.

Да посмотри на нее.

Он смотрит на меня. Будто на землю под ногами смотрит. А в глазах написано, Енто чучело еще и одеваться хочет?

Пошли мы с ей в магазин. Я прикидываю, какой бы цвет выбрала Шик Эвери. Она для меня все равно што королеваю. Я говорю Кейт, может, пурпурный. Даже с краснотцой. Ищем, ищем – нет пурпурново. Красново навалом, а вот пурпурново нема. Не-е, она гаворит, не даст он денег на красное платье. Вселенькое больно. Коричневое, гнилая вишня или синее. Выбери. Синее, говарю.

Отродясь у меня новых платий не было. Енто только мое будет. Попробовала растолковать Кейт, да покраснела и заикаться стала.

Ничево, Сили, она говорит, ты большего заслуживаешь.

Может оно и так, думаю я.

Слушай, Харпо, говорит. Харпо это старшой. Харпо, смотри, штобы Сили одна не таскала воду. Ты теперь взрослый. Пора тебе помогать.

Бабы пущай работают, он говорит.

Чево? она переспрашивает.

Женщины работают. Я мущина.

Ниггер ты сопливый, вот ты кто, она говорит. Ну как живо бери ведро, и марш за водой.

Он скосил глаз на меня. Вышел. Слышим мы с Кейт, как он бормочет Мистеру __ на веранде. Мистер __ зовет сестру. Поговорили они, возвращается она назад, а сама вся трясется.

Все, Сили, уезжаю, говорит.

Она ужась как разозлилась, слезы так и брызжут из глаз, пока она вещи в свой баул пихает.

Ты им не спускай, Сили, говорит. Я не могу за тебя бороться. Ты должна сама за себя постоять.

Я молчу. Я думаю о Нетти, покойной. Она боролась, убежала даже. И што из ентово вышло? Я не борюсь. Чево скажут, то и делаю. И жива.

Дорогой Бог!

Харпо спросил у отца, почему он меня поколотил. Она моя жена, вот почему, говарит. К тому ж упрямая она. Женщины только и годятся што для __ но не сказал для чево. Уткнулся в газету. Я вспомнила папашу.

Харпо меня спрашивает, Как так, ты такая упрямая? Спросил бы лучше, как так, ты его жена.

Такая, знать, уродилась, говарю.

Он побил меня, как своих детей лупит. Только их он почти не лупит. Сили, дай ка мне ремень, говарит. Дети за дверью в шелку подглядывают. Меня хватает только на то, штобы не плакать. Как будто я дерево. Ты дерево, Сили, говорю я себе. Отсюдова я и знаю, што деревья людей боятся.

Харпо говарит, Я люблю кой-ково.

Да? говарю я.

Девушку, говарит он.

А-а, говарю я.

Да, говарит он, мы хотим женица.

Женица? говарю я, ты возрастом не вышел, штобы женица. Вышел, говорит он. Мне семнадцать. Ей пятнадцать. Хва.

А чево ее маманя говарит?

Не знаю.

А чево ее папаня говарит?

Не знаю.

А чево она говарит?

Не знаю. У нас еще не гаворено. И голову повесил. Он вообще то парень видный. Худой, высокий, черный как евоная мамаша, глаза как жуки.

Иде же ты ее нашел? спрашиваю. В церкви, отвечает. А она меня на улице заметила.

Ну и как, ндравился ты ей?

Не знаю. Я ей подмигнул, а она будто испужалась.

Иде же папаша ее был, пока все энто безобразие творилося? На хорах, говарит.

Дорогой Бог!

Шик Эвери в городе! Со своим оркестром. Будет петь в Счастливой Звезде, што на Колменской дороге. Мистер __ стал собираться. Одедся, повертелся перед зеркалом, скинул все, надел другое. Намазал голову помадой. Потом смыл. Потом стал на башмаки плевать и суконкой чистить.

Говорит мне, вымой энто, найди то, принеси энто, отыщи то. Над дырками в носках горюет.

Я только успеваю штопать, гладить, искать носовые платки. Чево случилось, спрашиваю. Што ты мелеш, злится он. В порядок себя привожу. Другая б радовалась.

А я и радуюсь, говорю.

Чему именно, спрашивает.

Видный мущина, говорю. Любая будет гордица.

Ты думаешь?

В первый раз спрашивает мое мнение. Я от удивления оторопевши, и пока собралась сказать Да, он уже на веранду ушел, там брица светлее.

Я хожу весь день с афишкой в кармане, розовой. Чувствую, будто в кармане как уголь раскаленный. Афиш у их наклеено на деревья у дороги, как к нам поворачивать, и на магазине. У ево их штук пятьсот, поди.

Шик Эвери стоит у пианина, руки в боки и шляпа как у индейского вождя. Улыбается во весь рот, беззаботная как птичка. И написано, приглашаются все. Королева Пчел опять с нами.

Боже. Как хочется пойтить. Не танцевать, не пить. И даже не слушать, как она поет. Просто взглянуть на ее.

Дорогой Бог!

Мистера __ не было дома весь вечер в субботу, весь вечер в воскресенье и почти весь день в понедельник. Шик Эвери в городе. Он ввалился в дом и упал на кровать. Он уставший и расстроенный. Он плачет. Потом лег спать и проспал оставшийся день и всю ночь.

Проснулся, когда я уж ушедши была хлопок убирать. Три часа без ево горбатилась. Пришел и ничево не сказал. Ну и я ничево.

А у меня тыща вопросов. Чево на ей было надето? Она такая как на моей картинке или другая? Какая у ей прическа? Или она носит парик? Какая помада? Она толстая? Или она худая? В порядке ли голос? Не болеет ли она? Не устает ли? И с кем ее детки, пока она поет по всей округе? Не скучает ли за ими? Вопросы так и свербят в голове. Как змеи какие. Я молюсь, штобы мне не проговориться, щеки себе изнутри кусаю.

Мистер __ взял мотыгу и стал землю рыхлить. Три раза махнет мотыгой и замрет. Потом и вовсе мотыгу бросил, развернулся и ушел в дом. Налил кружку холодной воды, запалил трубку, уселся на веранде и уставился в пустоту. Я пошла за ним, не захворал ли. Он говорит, иди назад. В поле. Мине не дожидайся.

Дорогой Бог!

Харпо такой же слюнтый супротив своего папаша как и я. Каждное утро папаня евоный встает, усаживается на веранде и смотрит. Сидит и смотрит в никуда. То на деревья смотрит

перед домом. А то на бабочку на перильцах. В полдень встанет, попьет водицы, вечером к вину приложится. И опять сидеть.

Харпо стонет, вся пахотьба на ем теперича.

Папаша евоный говорит, ты делай.

Харпо почти с отца. Телом силен, а воли мало. Трусоват.

Мы с им целый день в поле. Пашем, инда пот градом. Я теперь цвета жареного кофе. А он черный как печка. А глаза грустные и задумчивые. Лицо стало как женское.

Почему ты больше не работаешь, спрашивает папашу своево.

А ты на што, отвечает грубо. Харпо обиженный на нево.

Да к тому же он еще и влюбивши.

Дорогой Бог!

Папаша Харповой девчонки заявил, будто Харпо ей не ровня. Харпо все равно обхаживает ее. Приходит в дом и сидит с ей в гостиной. И папаша там же сидит, пока все уже не знают, куда деваться. Тогда он пересаживается на крыльцо, где все слышно. Как девять часов стукнет, он Харпо шляпу сует.

Почему это я не ровня, Харпо спрашивает.

Из-за матери твоей, отвечает.

А чем моя мама вам не угодила?

Убили ее, отвечает ейный папаша.

Харпо снятся кошмары. Ему снится мать, как она бежит через луг к дому, а ейный хахаль вдогонку. Она держит Харпо за руку и они вместе бегут. Он хватает ее за плечо и говорит, не уйдешь от меня. Ты моя.

Нет, она говорит, у меня дети. Мое место с ними. Шлюха, он говорит, нет тебе никакого места. И стреляет ей в живот. Она падает. Он бежать. Харпо обнимает ее, кладет ее голову себе на колени и кричит.

Мама, мама! Я просыпаюсь, дети тоже просыпаются и в плачь, будто она вчера померла.

Я зажигаю лампу, иду к нему. Глажу по спине.

Она не виновная, што ее убили, говорит он, не ее это вина, не ее!

Нет, не ее, говорю. Не ее.

Все меня хвалят, как я с детьми Мистера __ обхожусь. Я хорошо с ними обхожусь. Но чувств у меня никаких нет. Гладить Харпо по спине, это как даже не собаку гладить, а кусок дерева. Не живого дерева, а все равно как кусок стола или шифонера. Ну и во всяком случае они меня тоже не любят, пусть я хоть какая раскаяная хорошая.

Харпо теперича мне все рассказывает про свои любовные дела. Он только и думает, што про свою Софию Батлер. День и ночь.

Говарит, она красивая. И блестящая.

В смысле умная? спрашиваю.

Нет, кожа у ей блестит. Верно и умная тоже, раз ее папаша не знает, што мы без ево ведома встречаемся.

Ну и конечно, следующая новость, София брюхатая.

Коли она такая умная, почему брюхатая, спрашиваю.

Харпо плечами пожимает. А как ей еще из дому выбраться? Ее папаша не разрешает нам женица. Даже в дом меня не пускает. А раз она на сносях, я теперича имею право быть с ей, ровня я ей или нет.

Куда ж вы пойдете, спрашиваю.

Дом у их большой, там и будем. Поженимся и будем как одна семья.

Хм, говорю я, ежели он тебя не любил до того, тем более не полюбит, когда она на сносях.

Харпо встревожен.

Поговори с Мистером ___. говорю ему. Он же отец тебе, чай. Можя, чево хорошее скажет.

А можя и нет, думаю про себя.

Харпо привел ее показать отцу. Мистер ___ сам сказал, хочет, мол, на ее посмотреть. Я замечаю их издали, еще на подходе к дому. Топают, держась за руки, будто на войну идти. Она немного впереди. Поднялись на крыльцо, я подвинула им стулья и разговоры говорю, заради вежливости. Она села и платком обмахивается.

Ну и жара, говорит. Мистер ___ молчит будто у ево воды в рот набрано. Осмотрел ее с ног до головы. Она месяце на седьмом или восьмом, платье чуть не лопається. Харпо сам чернящий, потому и думает, што у нее кожа светится. Вовсе нет. Обычная коричневая кожа, правда блестит как полированная мебель. Волосы мелким бесом, зато много. Заплетены во много косичек и наверх подхвачены. Сама она пониже Харпо, но толще, девка крепкая и здоровая, будто ее мать салом откармливала.

Как поживаете, Мистеру ___ говарит.

Он ноль внимания. Похоже, говарит, девушка, попала ты в переделку.

Не-е, говорит, у меня все в порядке. Вот беременная только.

И разгладила ладошками платье на животе.

Кто отец, спрашивает Мистер ___.

Она от удивления рот открыла. Вот, Харпо, говарит.

Откуда он знает?

Он знает, отвечает ему.

Ну и девки нынче пошли. Задирают подол перед каждым Томом, Диком и Гарри, говорит Мистер ___.

Харпо посмотрел на папашу, будто впервые его увидел. Но промолчал.

Мистер ___ тут говарит, И не надейся, што я позволю своему сыну жениться, раз ты брюхатая. Он молодой и неопытный. Ты девка пригожая, запросто могла ево облапошить.

Харпо все молчит.

София еще боле разругалась. Кожа на лбу напрягши, уши торчком.

Однако засмеялась и говорит, А какая выгода мне Харпо обманывать? Дома своево у ево нет. Все чево у него ни есть, одежда и еда, так и то вы ему покупаете. Скосилась на Харпо. Тот сидит опустив голову, руки между коленок свесил.

Твой папаша тебя прогнал. На улице собираешься жить? говорит Мистер ___.

Нет, говорит, я не собираюсь на улице жить. Я собираюсь жить у сестре. Она замужем, и они сказали, што я сколько угодно могу у них жить.

Встала она, большая, крепкая, здоровая девчонка, и говорит, Ну ладно, благодарствуйте. Мне пора.

Харпо встал тоже пойти. Нет, Харпо, она говорит, вот получишь свободу, тогда и приходи. Мы с маленьким будем тебя ждать.

Он постоял немного и опять сел. Я быстренько взглянула на нее и увидела будто тень пробежала по ее лицу. Затем она мне говарит, Миссис ___. Нельзя ли, пожалуйста, водички попить на дорогу.

Ведро у нас стоит на лавке тут же на веранде. Я достала чистый стакан и зачерпнула воды. Она выпила одним глотком. Разгладила платье на животе и пошла. Будто армия сменила направление, и она назад поспешает штобы не отстать.

Харпо так и остался сидеть на стуле. И папаша евоный тоже. Так и сидели там, все сидели и сидели. Все молчали и молчали. Я поужинала и пошла спать. Встаю утром и кажется мне они все сидят. Но нет. Харпо в нужнике, а Мистер __ бреется.

Дорогой Бог!

Харпо привел Софию с маленьким. Повенчавши они в доме у Софииной сестре. Ее муж был свидетелем у Харпо. Другая сестра потихоньку отлучилась из дома и была подругой невесты. Еще одна сестра ребеночка держала. Он орал всю службу, мамаше то и дело приходилось ево к груди прикладывать. В конце службы сказала «да» с младенцем на руках.

Харпо приспособил хибару у речки для жилья. Раньше у Мистера __ папаши там был сарай. Сараюшко крепкий, однако. В ем теперь есть окна, крыльцо и задняя дверь. И место хорошее, у воды. Зелено и в холодке.

Попросил он меня сшить занавески для ихнево дома, я сшила их из мешковины. Вышли небольшие занавесочки, но ладные. У их там кровать, комод, зеркало и несколько стульев. Плита, штобы готовить и подтопить ежели холодно. Папаша евоный теперь ему платит за работу. Говорит, Харпо ленился, вот он ему раньше и не платил. Может хотя бы из-за денег будет теперя шевелица.

Харпо раньше то говарил, Мисс Сили, я иду на забастовку.

Енто куда? спрашиваю.

Работать не буду, вот куда.

Он и не работал. Два кукурузных початка сорвет, а двести птицам да червякам оставит. У тот год мы ничево не заработали.

А нонче то, с Софией да с малышом, вертится как заведенный, у ево и вспахано, и окучено, и прибито-приколочено где надо. А сам все посвистывает аль песни поет.

София вполовину похудела. Но все равно она здоровая девка. Мускулистая. Ребеночка своего подкидывает как пушинку. Крепко сбита, кажись, ежели сядет на чево, в лепешку раздавит.

Говорит ему, Харпо, поддержи ребенка. Ей надо сходить со мной в дом за нитками. Простыни шьет. Он берет малыша, целует, по щечке щекочет. Смеется. А сам на папашу своево, который на крыльце сидит, косится.

Мистер __ выпускает клуб дыма и говарит, Ну вот, тяперя она тебя запряжет. Будеш у ей кухонный мужик.

Дорогой Бог!

Харпо ломает голову, как бы так сделать, штобы София ево слушалась. Они сидят с Мистером __ на крыльце, и Харпо гаворит, Я ей одно, а она все по-своему. Никогда не делает, как я ей скажу. Я ей слово, она два.

По правде-то, сдается мне, он с гордостью енто все говарит.

Мистер __ молчит. Дым пускает.

Я ей говарю, неча все время к сестры таскаться. Мы таперя муж и жена, говарю я ей. Твое место при детях. Она гаворит, я с дитями еду. Я гаварю, твое место возле mine. Она говарит, ты тоже хочешь с нами? А сама у зеркала наряжается и детей одевает.

А учить не пробовал? Мистер __ спрашивает.

Харпо голову наклонил и на руки свои смотрит. Нет, говорит эдак тихо, не пробовал. И застеснялся как-то.

Как же ты хочешь, штоб она тебя уважала? Бабы, они как дети. Им надо растолковать, што к чему. Ништо так не прочищает мозги, как пара хороших затрещин.

Трубкой запыхтел и дальше проповедует. София слишком много о себе понимает, говарит. Надобно ее чуток на место поставить.

Я Софию уважаю, она совсем на mine непохожая. Скажем, она заводит разговор, а Харпо и Мистер __ входят в комнату, так она и не думает замолчать. Спросюь они, где какая-нибудь вещь лежит, скажет, не знаю, и дальше болтает.

Я раздумываю про енти дела, когда в другой раз Харпо меня спрашивает, как так сделать, штобы София слушалась. Я не говорю ему, што он счастливый. Што уже три года как они живут, а он все песни поет да насвистывает. А я каждый раз подсказываю, когда Мистер __ меня окликает, и София смотрит на меня как то странно, будто жалеет.

Я говарю, Поучи ее.

Встречаю Харпо в другой раз, вся рожа у ево в синяках. Губа разбита. Глаз заплывши. За зубы держится да поясницу потирает.

Я говорю, Харпо, миленький, чево это с тобой?

Да мул окаянный, говорит, вчерась в поле как очумел. Днем с им намучился, а стал его в хлев загонять вечером, так он мне копытом промеж глаз. А еще ветрище вечером был. Руку окном прищемило.

Ну, говорю, с такими делами тебе небось некогда было Софию уму-разуму учить.

Неа, говорит.

Но он видать надежды не теряет.

Дорогой Бог!

Зашла я намедни в ихний двор и только хотела кликнуть их, как слышу в доме загрохотало. Я бегом на крыльцо. Детишки на берегу речки куличики песочные делали, так даже и ухом не повели.

Открываю я дверь тихо, вдруг там грабители или убийцы, или может еще конокрады какие, а это София с Харпо. Дерутся. Месют друг другу бока, што два мужика. Мебель вся вверх дном. От тарелок одни осколки. Зеркало наось. Занавески порваны. Пух из перины летает. А им хошь бы што. Они друг друга дубасют. Он на ее как замахнется. А она хватъ деревяшку у печки и промеж глаз. Он ее в живот. Она аж пополам согнувши, но все равно на ево идет и по яйцам кулаком. Он на пол так и покатился, за подол ее по пути дернул, и платье порвал. Она стоит в одной сорочке и даже глазом не моргнет. Он как вскочит и в челюсть ей нацелился. А она его через себя перекинула и о печку грохнула.

Я не знаю, сколько времени они так. Я не знаю, когда они собираюца передохнуть. Я тихонько выбираюсь из дома, машу рукой детям у речки, и иду домой.

В субботу утром слышим стук повозки. Харпо и София с двумя детишками едут к Софиной сестре на выходные.

Дорогой Бог!

Вот уже месяц, как я маюсь без сна. Брожу по дому допоздна, пока Мистер __ не начинает ворчать, будто керосин попусту жгу. Тогда иду, наливаю теплую воду в корыто и отмокаю там, с молоком и английской солью, потом брызгаю ореховой водой на подушку и задерживаю занавески поплотнее, штоб луна не глядела в комнату. Потом засыпаю на пару часов. И когда вроде уже налажусь поспать, тут я и просыпаюсь.

Сначала пробую пить молоко. Потом столбы считать. Потом Библию читать.

Што же енто такое, спрашиваю я сама себя.

Голос мне отвечает, Чевой-то ты сделала не так. Плохо сделала. Дух чей-то томится. Может, оно и правда.

В одну ночь до меня доходит. София. Ейный дух мне спать не дает.

Я молюсь, как бы она не проведала, но она проведала.

Харпо сказал.

Как она узнала, тут же ко мне явилась. С мешком в руках. Под глазом фингал, всеми цветами радуги переливается.

А я-то к вам за помощью да добрым словом всегда шла, говорит.

Разве ж я не помогаю, спрашиваю.

Вот вам ваши занавески, говорит, и мешок открывает. Вот ваши нитки. Вот вам доллар за то, што дали попользоваться.

Это твое, говорю и ей обратно отпихиваю. Я всегда тебе рада помочь чем могу.

Вы Харпо присоветовали, штобы он бил меня?

Нет, не я, говорю.

Не врите, говорит.

Я не хотела, говорю.

А зачем тогда сказали? спрашивает.

Она стоит передо мной и смотрит мне прямо в глаза. Личико усталое, скулы сведены.

Дура я потому што, говорю. Завидно потому што стало, говорю. Потому што ты можешь, чево я не могу.

И чево же? спрашивает.

Отпор даешь, говорю.

Она стоит и смотрит, будто мои слова ее огорошили. Подбородок обмяк. И уже не злая, а грустная.

Всю жизнь я давала отпор. Папаше. Братьям. Двоюродным братьям. Папашиним братьям. В семье, где одни мужики, никаково покою не жди. Ну уж не думала я, што в своем собственном доме придется воевать. И вздохнула. Люблю я Харпо, Бог свидетель, но мордовать ему себя не позволю, лучше убью ево. Если хотите лишиться зятя, то давайте. Дальше ему советуйте. И уперла руку в бок. Я между прочим на охоту хожу, с луком и стрелами, говарит.

Я еще только увидела ее во дворе, трясть мене начало, а тут и дрожь прошла, так стыдно за себя стало. Я уже и так от Бога наказанная, говорю.

А Бог, он страшненьких не любит, говорит.

Да и красивеньких тоже не особо жалует.

Тут вроде стало можно разговор в другую сторону свернуть.

Ты меня небось жалеешь, говорю.

Она замолкла на минуту и говорит эдак с расстановкой, Ну да.

Мне сдается, я знаю почему, но все равно спрашиваю. Почему?

Она говорит, коли честно, вы на мою маму похожие. Папаша ее тоже к ногтю прижал. Вернее под сапог. Все чево он ни скажет, все проглотит. Ни слова в ответ. Никогда себя не защитит. Иной раз за детей вступится. Да только хуже опосля бывает. Чем больше она нас защищает, тем он хуже на нее бросается. Он детей ненавидит. И то место, откудава они берутся, тоже ненавидит. Хотя по тому, сколько у ево детей, таково не скажешь.

Я про Софиину семью ничево не знаю. Судя по ней, боевая команда.

И сколько вас у ево? спрашиваю.

Двенадцать, отвечает.

Ого, говорю. У моево шесть от мамы моей, да еще четыре от теперешней. Про своих двоих молчу.

Сколько девок? спрашивает.

Пять, говорю. А у вас?

Шесть девок, шесть парней. Все девчонки сильные как и я. И парни сильные. Но мы с сестрами всегда друг за дружку стоим. И два брата тоже за нас, не всегда правда. Как мы драку затеваем, зрелище такое, хоть билеты продавай.

Я в жизни никого не ударила, говорю. Дома только бывало, младших по попе шлепала, штоб не баловались, и то не больно.

А чево вы делаете, когда рассвирепеете? спрашивает.

Я и не припомню, когда последний раз свирепела-то, говорю. Помню, на маму свою злилась, когда она на меня всю работу взвалила. А как поняла, што она больная, больше не злилась. На папашу тоже не злилась, потому как отец он мне. В Библии сказано, Почитай отца своего и мать свою, хоть они какие. Бывало, как начинала сердиться, мне так становилось худо, до рвоты. А потом вовсе стало все равно.

Вообще? спрашивает София и нахмурилась.

Ну, находит, конечно, когда Мистер __ на меня напустится.

Я Богу тогда жалуюсь. Муж все-таки. Жизнь-то не вечная, говорю я ей, а царствие небесное вечное.

Правильно. Но для начала надо ентому мужу по шее наkostenять, говарит София, а потом и о царствии небесном можно подумать.

Мне не до смеха.

Хотя смешно. София засмеялась. И я засмеялась. Мы обе как захохотали, аж на ступеньки повалились.

Нешто нам из этих занавесок лоскутное одеяло сделать, говорит София. И я побежала за книжкой для кройки и шитья, где узоры есть.

Сплю теперь как дитя.

Дорогой Бог!

Шик Эвери захворала. И никто в городе не хочет приютить Королеву Пчел. Ейная мамаша говорит, я тебя предупреждала. Ейный папаша говорит, шлюха ты эдакая. Одна баба в церкви говарит, будто она помрет скоро, чахотка али дурная женская болезнь у ей, говарит. Чево это такое, так и тянет меня спросить. Но я не спрашиваю. Бабы в церкви ко мне хорошо относятся, бывает. А бывает и не очень. Смотрют, как я с детьми Мистера __ воюю. В церковь их ташу. Слежу, штобы не буянили там. Которые из баб давно ходють, помнют как я брюхатая два раза была. Косются на меня исподволь. Озадачиваю я их.

Я стараюсь не очень тушеваца. И проповеднику стараюсь угодить. Пол мою, окны мою, вино развожу для причастия, стираю занавески да покрывала из алтаря. Слежу, штобы дрова были зимой. Он меня зовет сестра Сили. Сестра Сили, говорит, верная ты душа. И опять к дамам повернется – беседовать. Я ношусь по церкви, тут приберу, там почищу. Мистер __ сидит на задней скамейке, глазами водит туда сюда. Тетки ему улыбаются при всяком удобном случае. Меня он и не замечает, даже головы не поворотит в мою сторону.

Теперь и проповедник набросился на Шик Эвери, раз у ей сил нет за себя постоять. В проповеди свои ее вставляет. Имен не называет да и надобности нет. Все и так знают про ково речь. Разглагольствует про блудниц в коротких юбках. Которые курют сигареты и пьют джин стаканами. Поют за деньги и отнимают у жен ихних мужей. Потаскуха дрянь уличная девка.

Я кошусь на Мистера __. Подумать только, уличная девка.

Хоть бы кто заступился, думаю я. Но он молчит. Сидит, ногу на ногу перекидывает, в окно смотрит. Те же бабы, которые ему улыбочки посылали, теперь аминь говорят, так мол и надо ентой Шик.

Как мы домой вернулись, он не переодевши стал Харпо кричать, штобы тот быстрее шел. Харпо прибежал со всех ног.

Запрягай, говорит.

Куда едем, Харпо спрашивает.

Запрягай, говорит опять.

Харпо запряг повозку, они поговорили у сарая минутку, и он уехал.

Одно хорошо, што он ничего не делает по хозяйству – мы и не замечаем, ежели он в отлучке.

Через пять дней смотрю я на дорогу и вижу, повозка наша едет. И навес какой-то к ней приделан, из старых одеял сварганеный. Сердечко мое так и застучало, и я первым делом побежала одежду сменить.

Не успела, однако. Только я с головы старое платье стянула, повозка уже на дворе. Да и што толку в новом платье, если на мне старые башмаки, волосы спутаны, на голове платок застираный, и сама я немытая.

Растерялась я. Совсем я ошарашена. Стою посреди кухни, голова кругом идет. В мозгу одно: Кто Бы Мог Подумать.

Слышу, Мистер __ кричит, Сили, Харпо, сюда.

Я опять накинула старое платье, вытерла наспех пот да грязь с лица и к двери иду. Звали? И о веник споткнулась, которым пол подметала, когда шарабан наш увидела.

Харпо и София во дворе толкуются, в повозку заглядывают. И лица у их мрачные.

Это кто, Харпо спрашивает.

Могла бы быть твоя мать, отвечает его папаша.

Шик Эвери, Харпо говарит и на меня смотрит.

Помоги ей зайти в дом, Мистер __ приказывает.

Сердце у меня так и екнуло от радости, как она ногу из шарабана высунула. Значит, не лежащая. Сама выбралась из повозки, с помощью Харпо и Мистера __. Одета как королева. Красное шерстяное платье на ей. На шее черные бусы в несколько рядов. На голове черная шляпка из чево-то блестящего, перья соколиные на одно ухо свешиваются, сумочка из змеиной кожи, под стать туфлям.

Она такая нарядная, мне кажется даже деревья вокруг дома прихорашиваются, лишь бы ей приглянуться. Идет меж двух мужиков, спотыкается, еле ноги тащит.

Вблизи замечаю, на лице желтая пудра комками, пятны румян – краше в гроб кладут. Одежда для этого дела подходящая, хоть сейчас на похороны гостей созовай.

Но я то знаю, не бывать сему. Иди скорей, хочется мне крикнуть, иди, Сили тебя, с Божьей помощью, выходит и на ноги поставит. Но молчу. Помню, не мой это дом. И к тому же мне никто ничево не говорил.

Как они до половины лестницы дошли, Мистер __ говарит, Сили, это Шик Эвери, старая знакомая. Приготовь комнату. И к ей повернулся, одной рукой ее поддерживает, другой за перила держится. Харпо с другой стороны ее подпирает, мрачный весь. София с детьми во дворе, глаз с нас не сводят.

Я пошевелиться не могу. Будто приросла к месту. Мне надо ей в глаза взглянуть. Чувствую, когда в глаза ей посмотрю, тогда только меня отпустит.

Давай, говорит он резко.

Тут она глаза подняла.

Лицо у ей, под всей этой пудрой, черное как у Харпо. Нос длинный и острый, пухлый рот. Губы как черные сливы. Глаза большие и блестят. Лихорадочные глаза. Недобрые. Попадись ей сейчас змея на дороге, убьет одним махом, хошь и сама еле на ногах держится.

Осмотрела она меня с ног до головы и хохотнула. Звук как с того света. Ты и в правду не красавица, говорит. Будто хотела удостовериться.

Дорогой Бог!

Ничего страшного с Шик Эвери нет. Просто хворая она. Правду сказать, я, штобы так сильно болели, еще не видела. Ей хуже чем мамане моей было, когда она помирала. Зато злости в ей куда больше, тем и держится.

Мистер __ от ее не отходит, ни днем ни ночью. За руку её не держит, однако. Не очень ей ручку-то поддержиш. Отпусти руку, черт тебя подери, говарит она. Неча липнуть. Не надо мне всяких слабаков, которые папаш своих как огня боятся. Мне мужик рядом нужен. Мужик.

Взглянула на него, глаза закатили и засмеялась. Не так штобы очень засмеялась, но достаточно, штобы он к кровати некоторое время не подходил. Уселся в углу, подальше от света лампы и сидит. И ночью сидит. Она просыпается и не знает, там он али нет, а он там. Сидит в углу и грызет черенок своей трубки. Без табака. Она сразу сказала, как вошла, не хочу я нюхать твою вонючую трубку, слышиш, Альберт.

Энто кто еще такой, думаю я, што за Альберт. Ах, это Мистера __ так зовут.

Мистер __ не курит. Не пьет. Не ест почти. Сидит в ейной маленькой комнатке и прислушивается к каждому вздоху.

Чево с ей такое? спрашиваю.

Ежели не хочеш, штобы она тут была, так и скажи, он говорит. Ничево от этово хорошево не жди, но ежели ты так... и осекся.

Пушай живет, гаворю я, пожалуй, слишком быстро. Он глянул на меня подозрительно, не замышляю ли чево.

Я просто хочу знать, чем она хворает, говарю я.

Я смотрю на него. Лицо у него усталое и опущеное. И замечаю, какой у ево слабый подбородок. Можно сказать, вообще подбородка нет. У меня и то больше подбородка, думается мне. Одежда на ем вся перепачканная. Пыль во все стороны летит, когда он раздевается.

Некому ей помочь, говорит он. И глаза стали мокрые.

Дорогой Бог!

Они вместе трех детей смастерили, а он брезгует ее в ванной помыть. Может, он боится, што начнет думать о таком, о чем не следует думать? А я што, не начну? Я когда в первый раз ее черное длинное тело увидела, с черными сосками сливинами, точь в точь как ее губы, так мне показалось, я мужиком заделалась.

Ну, чево уставилась, она спрашивает. Прямо шипит от злости. Сама слабая как котенок, а туда же, коготки показывает. Ты чево, никогда голой бабы не видала?

Нет, мэм, говорю. Я и в правду не видала. Кроме Софии. Но она такая толстененькая да здоровенькая да суматошная, совсем мне как сестра.

Ну ладно, посмотри, говорит, посмотри на мешок с костями. И руку в бок уперла да глазки мне состроила, хватило ей куража. А как я стала ее мыть, она глаза закатила и зубы сжала.

Я ее мою, и у меня такое чувство, што молитву читаю. Руки трясутся и дыхание перехватывает.

Спрашивает меня, у тебя дети когда-нибудь были?

Да, мэм, отвечаю.

Сколько? И хватит мне мэмкать, я не такая старая.

Двое, говорю.

А где они, спрашивает.

Не знаю, говорю.

Она как то странно на меня посмотрела и говорит, мои у моей мамашы. Она согласилась их держать, а мне надо было уехать.

Чай, скучаете за ими, говарю.

Не-а, говорит, Я ни по чему не скучаю.

Дорогой Бог!

Я спросила Шик Эвери, чево бы ей хотелось на завтрак. А чево у тебя есть? спрашивает. Я говорю, овсянка, хлебцы, ветчина, оладьи, варенье, кофе, молоко, кефир.

Это все? говорит. А где апельсиновый сок? А виноград, а клубника со сливками, а чай? И засмеялась.

Не хочу я твоей дурацкой еды, говорит. Дай-ка сюда мои сигареты. Ну и чашку кофе можешь принести.

Я не спорю. Я приношу ей кофе, зажигаю сигарету. Из рукава длинной белой рубашки высовывается тонкая черная рука. Я боюсь этой руки, маленьких веноч, которые я вижу, и веноч побольше, на которые стараюсь не смотреть. Меня будто што подталкивает к ей поближе. Ежели не поостерегусь, то схвачу ее за руку и попробую на язык ее пальчики.

Можно я посижу тут, пока ем? спрашиваю.

Она только плечами передернула. Лежит в кровати, журнал смотрит. На картинках все белые женщины. Смеются. Бусы на пальце крутят. На машине пляшут. В фонтан прыгают. Шебуршит страницами, недовольная чем-то. Будто ребенок вертит в руках игрушку, а как она заводится, не знает.

Пьет кофе и сигаретой пыхтит. Я между тем ветчину наворачиваю, сочную, домашнюю. Запах от ее такой, за милю от дома слюнки потекут. Вся ее маленькая комнатка уже пропахла моей ветчиной.

Я намазываю свежее масло на горячий хлеб, я чавкаю ветчинным жирком, я шлепаю жареное яйцо поверх овсянки.

Она все дымит и дымит. В кофе заглядывает, нет ли там на дне чево посущественней.

Наконец говорит, Сили, што-то пить хочется, унеси-ка эту воду и принеси-ка мне свежей.

И стакан мне протянула.

Я поставила тарелку на столик у кровати и за водой пошла. Прихожу назад, гляжу, мой хлебец мышка погрызла, а ветчину крыска утащила.

Она лежит среди подушек как ни в чем не бывало. Не поспать ли мне, гаварит, и носом заклевала.

Мистер __ спрашивает меня, как это мне удалось ее накормить.

Я говорю, нет такого человека на всем белом свете, кто бы устоял перед запахом домашней ветчины. Разве што на том. И то не уверена.

Мистер __ смеется.

Глаза у ево какие-то безумные.

Мне страшно было, говорит он. Страшно. И закрыл лицо руками.

Дорогой Бог!

Сегодня Шик Эвери приподнялась с подушек, посидеть немного. Я ей стала волосья мыть да расчесывать. Таких коротких, непослушных и кудрявых волосев я еще не видывала. Но так они мне нравятся, што я люблюсь каждой прядкой. Каторые волосы на гребне остались, я припрятала. Может, себе кичку сделаю с их.

Я с ей возилася как с куклой, или с дочкой моей Оливией. Или как за мамой ухаживала. Причесу да приголублю, опять чесану и опять приголублю. Сначала она говорит, давай-ка поторапливайся. А потом оттаяла малость и голову мне на колени склонила. Ишь ты как умеешь, говорит, меня так маманя причесывала. А может и не маманя, может бабка. Сигарету запалила и песенку начала мурлыкать.

Энто какая песня, спрашиваю. Думаю, по мне так звучит похабно. Про такие проповедник наш говорил, грех, мол, их слушать. А петь подавно.

А она напевает тихонько. Сю минуту в голову пришла, говарит, сама сочинилась. Наверное, ты мне из волос вычесала.

Дорогой Бог!

Сегодня заявился папаша Мистера __. Лысенький коротышка в золотых очках. Все время откашливается, как говорить начинает, слушайте мол все. И голову набок держит.

Еще на крыльцо подняться не успел, сразу к делу приступил.

Тебе конечно надо было ее домой припереть, иначе тебе не успокоиться, говорит.

Мистер __ ничего не сказал. Посмотрел на деревья, колодец оглядел со всех сторон, и на крышу Харпового с Софией дома уставился.

Не хотите ли присесть, говорю и стул ему поддвигаю. Водички холодной не желаете?

Из окна пение слышится. Это Шик свою песенку разучивает. Я быстренько в ее комнату сбегала и окно закрыла.

Старый Мистер __ говорит Мистеру __, И чево ты в ей нашел? Черная как деготь и волосья как пакля. А ноги? Не ноги, а бейсбольные биты.

Мистер __ опять ничего не ответил. Тут я в папашин стакан воды немножечко плюнула.

И вообще, она не порядочная, говорит старый Мистер __, я слышал у ей дурная болезнь.

Я в стакане пальцем помешала. Подумала о толченом стекле. Чем ево толкут? Я не со зла. Просто интересно.

Мистер __ повернул голову и наблюдает, как евоный папаша воду пьет. Потом говорит, как-то грустно, Тебе не понять. Я ее люблю, всегда любил и всегда буду. Мне надо было на ей жениться, когда был случай.

Ну да, говорит старый Мистер __, и всю жизнь коту под хвост. (Мистер __ тут зубами скрипнул.) И мои денежки туда же. Горло прочистил и продолжил, неизвестно даже, кто ее папаша.

Мне все равно, кто ее папаша, говорит Мистер __.

Мать ее грязное белье стирает для белых. Плюс все ее дети от разных отцов. Бардак какой-то.

Вот чево, говорит Мистер __ и развернулся к папаше своему. Все дети Шик Эвери от одного отца. За это я ручаюсь.

Старый Мистер __ горло прочистил. Ну так вот. Это мой дом. И земля моя. И мальчишка твой Харпо в моем доме живет и на моей земле. Когда на моем поле вылезают сорняки, я их выдергиваю. А мусор сжигаю. Потом поднялся, шtbody уходить, и стакан мне протягивает. В следующий раз я ему Шиковой мочи в воду подолью. Посмотрим, как она у ево пойдет.

Я тебе сочувствую, Сили, говорит, редкая жена будет терпеть в своем доме мужнину блядь.

Энто он не мне говорит, энто он Мистеру __.

Мистер __ на меня посмотрел, а я на ево. В первый раз, наверное, мы друг друга поняли.

Мистер __ говорит, Сили, подай папе шляпу.

Подала я шляпу, и папаша его отчалил. Мистер __ как сидел на крыльце, так и остался сидеть. Я у двери стою. И оба мы смотрим как старый Мистер __ катится в тарантасе к себе домой.

В следующий раз появился его братец Тобиас. Высокий и толстущий, прямо как медведь. Мистер __ росточка небольшого, в папашу видать пошел.

Где она, говорит, где наша Королева Пчел. У меня для ее гостинiec. И положил коробку конфет на перила.

Она отдыхает, говарю. Прошлой ночью плохо спала.

Как дела, Альберт, говорит, и провел ладонью по своим зализанным назад волосам. Потом в носу поковырял, о штанину вытер.

Я слышал, Шик Эвери у тебя живет. Сколько уже она тут?

Да, говорит Мистер __, месяца два уже как.

Черт побери, говорит Тобиас, а мне сказали, она умирать собралась. Вот и верь после этого людям. Он пригладил усы и губы облизал.

Ну, мисс Сили, как жисть, меня спрашивает.

Да так, говорю, помаленьку.

Передо мной лоскутное одеяло разложено, што мы с Софией шьем. У меня уже пять квадратных составленные, а остальные лоскутки в корзинке на полу.

Вечно то она трудится, говорит он, прям как пчелка. Вот бы моя Маргарита такая была. Сколько бы денег сберегла мне.

Тобиас и его папаша все о деньгах говорят, хоть у них толком ничего не осталось. Старый Мистер __ почти все распродал. Только и есть, што наши дома да поля. Наши с Харпо самые урожайные.

Я сiju лоскутки состегиваю, цвет к цвету подбираю.

Вдруг слышу Тобиасов стул опрокинулся, и он говорит, Шик.

Шик наполовинку больная, наполовинку здоровая. Наполовинку добрая, наполовинку злая. Последние-то дни она к нам с Мистером __ подобрела, но сегодня она злющая. Улыбается змеиной улыбочкой, и говорит, поглядите, кто к нам пожаловал.

На ей одна рубаха цветастая надета, мною сшитая. Волосы в косички заплетены, подросток да и только. Худющая как палка, на лице одни глаза.

Мы с Мистером __ поворачиваемся к ей. Помогаем на стул сесть. Она на ево даже не смотрит. Подвигает стул ко мне поближе.

Вытащила она наугад лоскуток из корзинки. Посмотрела ево на свет. Нахмурилась. Как ты сшиваешь эти дурацкие тряпки, спрашивает.

Я отдала ей свой лоскут, сама новый начала. Стежки у ей получаются кривые и длинные, как та песенка, которую она все время поет.

Очень славненько для первого раза, говорю. Очень даже ничево.

Она смотрит на меня и хмыкает. По тебе все, што я не сделаю, все славненько, мисс Сили, говорит. Ты видать не соображаешь ничево. И смеется. Я голову опустила.

Не хуже она все соображает, чем моя Маргарита. Та бы взяла иглу да рот бы тебе зашила в два счета.

Все женщины разные, Тобиас, говорит она. Поверь мне.

Я-то верю, он говорит. А остальные-то нет.

Тут я впервые об остальных задумалась.

При чем тут остальные, думаю. И вижу себя будто со стороны, как сiju да шью подле Шик, и Мистер __ под боком у нас, а насупротив Тобиас со своей коробкой шикалада. И первый раз в жизни кажется мне, што все у меня в порядке.

Дорогой Бог!

Мы с Софией лоскутное одеяло шьем. Напялили ево на раму и взгромоздили на веранде. Шик Эвери пожертвовала нам свое старое желтое платишко, и я вставляю желтые лоскуты всюду, где можно. Красивый узор у нас с Софией найден, Выбор Сестер называется. Ежели хорошо получится, я одеялко ей отдам, а не дуже, так и быть, себе оставлю. Я-то хотела бы его для себя, ради желтых тряпиц, как звездочки там да сям раскиданных.

Мистер __ и Шик гулять пошли до почтового ящика. В доме тихо, только мухи жужжат, обалдевши от жары. Дремотно.

У Софии што-то на уме, вот только она сама покудова не знает што. Склонится над рамой, иголкой потыкает, потом выпрямится и тарашится поверх перил во двор. Наконец иголку отложила и спрашивает, скажи-ка мне, мисс Сили, пошто люди едят.

Штобы не умереть, гаворю. А зачем еще? Есть которые едят, потому как вкусно. А есть просто обжоры. Любят челюстями поработать.

А других причин нет? она спрашивает.

Ну, бывает что с голодухи, говарю я.

Ну он-то не с голодухи, говарит.

Это кто? спрашиваю.

Харпо, гаварит.

Харпо? удивилася я.

Ну да, Харпо. Жрет без остановки.

Может, у ево глисты?

Она нахмурилась. Не-е, гаварит, не глисты. От глистов голод, а Харпо ест, даже когда не голодный.

Че, силком штоли в себя толкает? спрашиваю. Чево только на свете не бывает. Что ни день что-нибудь новенькое. Как говорится. Хотя я лично таково в своей жизни не наблюдаю.

Вчерась на ночь целую сковородку оладьев умял.

Да неушто, гаворю.

Умял, умял. И два стакана простокваши впридачу. И это после ужина. Я детей купала да укладывала. Он посуду мыл, да вместо того все тарелки облизал.

Может быть, он изголодавши был? Вы ж работаете весь день.

Да куда там, весь день, говорит. А сегодня с ранья шесть яиц у ево, у черта, сожрано было. Так ему похужело после эдаково, еле до поля дотащился, ноги едва волочил. Я уж испугавши была, не ровен час в обморок грохнется.

Коли София про черта заговорила, значит дело плохо. Может, ему посуду лень было мыть, спрашиваю. Евонный-то папаша за всю жизнь ни единой тарелки не вымыл.

Думаете? говорит. Харпо вообще-то ндравится посуду мыть. Правду вам скажу, он по дому поболе меня возиться любит. Я-то люблю в поле работать или со скотом. Даже дрова рубить, и то лучше. А ему лишь бы убирать да готовить, да по дому колбаситься.

Верно, гаворю, готовит он нехудо. Откуда что взялось? Дома то жил, и яйца себе ни разу не сварил.

Не потому что желания не было, говорит она. Ему готовить что песню петь. Это все Мистер __, вы же его знаете.

Мне ли не знать, гаворю. Но и у ево просветы бывают.

Это вы серьезно? София спрашивает.

Ну не часто, конечно. Но бывают.

А-а, гаворит София, ну ладно. Когда Харпо к вам придет, проследите, как он ест.

Я проследила, как он ест. Я его еще на подходе осмотрела. Он вполовину Софииного объема, но уже, вижу, брюшко наметилось.

Есть что поесть, мисс Сили? спросил с порога и прямиком к плите, где у меня кусок жареной курицы грелся, потом без остановки к буфету, за черничным пирогом. Стоит и жует, в рот пихает, и опять жует. Сливки есть, спрашивает.

Есть сметана, гаворю.

Люблю сметану, гаварит, и налил себе стакан.

София тебя, видать, не кормит.

Зачем вы так говорите, спрашивает он с набитым ртом.

Ну как же, обед только кончился, а ты опять голодный.

Он молчит. Рот занятый.

И до ужина не долго ждать. Часа три четыре, гаворю.

Он в буфете роется, ложку для сметаны ищет.

Приметил кукурузную лепешку, и лепешку туда же, в стакан со сметаной покрошил.

Пошли мы на веранду, он уселся, ноги на перила, сметану из стакана прямо в рот гребет. Как свинья у корыта.

Ты видно почуял вкус к еде, гаворю.

Он ничего не говорит. Жрет.

Я взглянула в сторону их дома. Вижу София лестницу к дому тащит, приперла к стене и на крышу лезет с молотком. На ей старые Харповы штаны напялены, волосья в платок убраны. Залезла, и давай молотком стучать что есть сил. Треск такой, будто стреляет кто.

Харпо лопаёт и на нее смотрит.

Потом рыгнул, извинился, отнес в кухню ложку со стаканом, сказал до свидания и отправился до дому.

И теперь, пусть хоть что кругом творится, хоть мир рушится, Харпо ест. На уме одна еда, хош днем, хош ночью. Живот толстеет, сам нет. Брюхо уже такое, будто у ево там завелся кто.

Когда разродишься, спрашиваем.

Ничево не отвечает. За очередным пирогом руку тянет.

Дорогой Бог!

Харпо ночует у нас на эти выходные. В пятницу вечером, все уже спать улеглись, слышу, плачет будто кто. То Харпо сидит на ступеньках и плачет, так и кажется, сердце у ево щас лопнет. У-у-у да у-у-у. Уткнулся лицом в ладони, по подбородку слезы и сопли в три ручья. Дала я ему носовой платок. Он выбил нос и ко мне поворотился. Гляжу глаза у него заплывшие, не глаза, а щелочки.

Што с глазами-то у тебя, спрашиваю.

Он хотел соврать, да сил видать не было.

Софиина работа, говорит.

Ты ее еще в покое не оставил? спрашиваю.

Она моя жена, говорит.

Ну и што, што жена? Раз жена, значит на ее с кулаками можно? Она тебя любит. И жена она хорошая, работающая. Собой пригожая. С детьми умеет управиться. В Бога верует. По мужикам не таскается. Что тебе еще надо?

Харпо застонал.

Штобы она делала, што я ей говорю. Как ты.

О Господи, говорю я.

Папаша тебе скажет делать, ты делаеш. Скажет не делать, не делаеш. Ежели не слушаеш ево, он тебя бьет.

Иной раз и так бьет, слушаю я или нет, говорю.

Вот именно, говорит Харпо. А София делает, чево хочет, на мои слова ноль внимания. Я начинаю ее уму разуму учить, а она мне фонарь под глаз. У-у-у, и опять заплакал.

Я у ево платок отобрала. Столкнуть его што ли со ступенек вместе с фонарем евоным, думаю. София мне на ум пришла. Ишь, с луком и стрелами охочусь, говорит.

Не всякую бабу можно бить, говорю. София как раз такая. И потом она тебя любит, она бы, может, и так все тебе сделала, что ты скажеш, ежели б ты ее попросил по-человечески. Она же не стерва, и не злопамятная. Сердца против тебя не держит.

Он сидит с тупым видом, голову свесивши.

Я его за плечи потрясла и говорю, Харпо, ты же Софию любиш. И она тебя любит.

Он взглянул на меня своими заплывшими глазками. Чаво? говорит.

Мистер __ на мне женился, штобы за детьми было присмотрено. А я вышла за него, потому как меня папаня мой заставил. Я ево не люблю, и он меня не любит.

Ты евоная жена, он говорит. А София моя. Жена должна делать, чево муж скажет.

Делает Шик, чево ей Мистер __ скажет? А он на ей мечтал жениться, не на мне. Она ево по имени величает, Альберт, а через минуту говорит, отвали, от тебя воняет.

Это сейчас в ей весу нет, а коли она в тело войдет, дак одним пальцем ево с ног свалит, ежели он вздумает к ней полезть.

И надо было мне про вес говорить? Храпо враз скис и плакать принялся. Совсем худо ему стало. Со ступеньки свесился и давай блевать. Блевал и блевал.

Все пироги, наверное, што у ево за год сожрано, выблевал.

Как ему больше нечем стало блевать, я ево в комнатку, рядом с Шиковой, уложила, он как лег, так и заснул.

Дорогой Бог!

Пошла я навестить Софию. Она все крышу латает.

Течет, проклятая, говорит.

Она у дровяного сарая дранку колет. Упрет полено в плаху и тюкает топориком. Получаются большие плоские щепки. Увидела меня, отложила топор и лимонаду мне предложила.

Я ее со всех сторон осмотрела. Окромя синяка у запястья, никаких повреждений не обнаружилось.

Как у вас с Харпо дела, спрашиваю.

Вроде жрать он поменьше стал, говорит, но это может на время.

Он до твоих размеров дорости пытается, говорю.

Она охнула и говорит, так я и думала. И медленно выдохнула.

Дети прибежали, кричат, мама, мама, и нам тоже лимонаду. Она налила пять стаканов для детей, два для нас, и мы уселися на деревянной качели, што она в прошлом годе смастерила и у крыльца привесила, где тени поболее.

Устала я от Харпо, говорит. Как мы поженилися, он только и думает как бы заставить меня слушаться. Ему жену не надо, ему собаку надо.

Муж он тебе. Тебе надо с ним быть. Куда же тебе еще деваться?

У сестре муж в армию забран, говорит. Детей у их нет, а Одесса детишек-то любит. У их ферма, вот может у ей и поживу. С дитями.

Я о Нетти вспомнила. Боль меня так и пронзила. Везет, коли есть к кому подаца.

А София дальше говарит и, в стакан глядя, лоб хмурит.

Спать мне с им больше не хочется, вот што. Бывало, тронь он меня только, голова кругом идет. А теперь неохота шевелиться лишний раз. Как он на меня заляжет, я думаю, што ему только это и надо. И лимонад отглотнула. Уж как раньше мне ндравилось это дело. С поля его домой гнала. От одного ево вида, как он детей в кровати укладывал, вся томная становилась. А теперь никакова во мне интересу. Все время усталая и больше ничево.

Ну, ну, я говорю, погоди, не торопись, небось пройдет. Да я так говорю, абы што сказать. Я в энтот деле ничево не смыслю. Мистер __ влезет на меня, сделает, чево ему надо, и через десять минут мы храпим. У меня слегка теплеть начинает, только ежели я о Шик думаю. А энто все равно за своим хвостом бегать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.